

Она больше не колебалась. Воспользовавшись моментом, пока Староста Ду обдумывал свои дальнейшие слова, она, словно проворный кролик, выскользнула из-за спины Эр Тай и в два-три шага оказалась рядом с Цяньлуном.

— Староста! — её голос прозвучал тихо, но вполне отчётливо для тех, кто стоял ближе всех. В нём слышались нескрываемая тревога и упование. Маленькая ручка вцепилась в рукав Цяньлуна и слегка затеребила его. Она подняла лицо, и в её больших глазах читалось: Скорее придумай что-нибудь! Нельзя же позволять им обижать Эр Тайя! Это же... это же просто издевательство... В этом привычном лукавстве и мольбе о защите после очередной проказы был совершенно ясный смысл: Отец-Император, вам нужно вмешаться, иначе этот старый помещик и вправду начнет давить на нас своим положением!

Цяньлун опустил взгляд, бросив его на свою неугомонную руку, вцепившуюся в его рукав, а затем встретился с большими, бегающими и полными мольбы глазами Сяо Яньцзы.

У этой девчонки, когда она натворит дел, смелости больше, чем у неба, а как прижмет — сразу бежит к нему. С той нелепой выдумкой про помолвку с пеленок он еще с ней не сквитался, а она опять за рукав дергает.

Он мысленно усмехнулся, но внешне остался совершенно невозмутим.

Он, разумеется, раскусил хитрость Старосты Ду. Сегодняшнее происшествие происходило на глазах у толпы; если отпустить их просто так, пойдут злые языки — скажут, что его семья Ду испугалась чужаков или что сватовство было пустой шуткой.

Но если и вправду силой задержать Эр Тайя, не говоря уже о том, что это совершенно исключено, одна лишь скрытая уверенность, исходившая от этой кучки «чужаков», заставила бы хитрого старого помещика занервничать.

Ладно. Этот фарс пора заканчивать. И пойти на поводу у небольшой тайной прихоти этой безумной девчонки, о которой не стоило говорить посторонним.

Цяньлун легко отстранил руку Сяо Яньцзы и шагнул вперед.

Всего полшага, он даже не повысил голос, но величие человека, привыкшего долго находиться на вершине, невидимой волной расплескалось вокруг, и окружавшие их шумные споры сами собой затихли.

Он спокойно посмотрел на Старосту Ду и произнес:

— Староста Ду.

Всего три слова, произнесенные не спеша, но заставившие Старосту Ду внезапно вздрогнуть.

Напускное высокомерие на его лице немного померкло.

— Слушаю вас, уважаемый господин.

— То, что произошло сегодня, — медленно продолжил Цяньлун, переводя взгляд с мозолящего глаза красного шелкового шара в руках Эр Тайя на слегка напряженное лицо Старосты Ду. — Если разобраться, дети действительно проявили опрометчивость и нарушили праздничную атмосферу в вашем почтенном доме. — Сначала он определил характер происшествия как «нарушение праздничной атмосферы», а не «нарушение договора» или «оскорбление», высказавшись легко и непринужденно. — Мой племянник так горячо защищал сестру, что в спешке совершил маленькую ошибку, и только что уже принес извинения. Моя младшая дочь еще мала и проказлива, болтает что попало и несет чепуху. Староста Ду великодушен, полагаю, он не станет равняться с детьми.

Он прямо свел слова Сяо Яньцзы о «помолвке с пеленок» к «детской болтовне», окончательно опровергнув ее силу и перекрыв Старосте Ду возможность цепляться за это. В то же время слово «великодушен» слегка польстило Старосте Ду.

Староста Ду приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но Цяньлун не дал ему возможности и продолжил:

— Что же касается этого сватовства с помощью шелкового шара, то изначально это было благое дело, задуманное ради поиска достойного мужа и заключения счастливого союза. Если же из-за непреднамеренной оплошности привязывать человека силой, то, даже следуя «правилам», боюсь, в результате получится не счастливый союз, а лишь обида. Какая от этого польза для долгой жизни вашей дочки? И станет ли это честью для репутации вашего почтенного дома?

Эта речь сначала указала на то, что истинный смысл сватовства — это «счастливый союз», намекая, что насильно мил не будешь; затем указала на возможные последствия насильственного признания; а напоследок задала риторический вопрос, подчеркивая, что принуждение может лишь навредить «доброму имени», которым так дорожит поместье Ду.

Все было обоснованно и логично, взвешивая для Старосты Ду все за и против.

Староста Ду нахмурил брови, явно раздумывая.

Слова Цяньлуна дошли до него: и правда, эти люди выглядят непросто, да и их семьи, судя по всему, тоже; а если заключить брак силой, то в будущем хлопот может оказаться только больше.

Цяньлун бросил взгляд на Фу Луня, и тот сразу всё понял. Подойдя к Старосте Ду, он не стал низко кланяться, а лишь слегка кинул голову. Выражение его лица было свойственным чиновникам — в меру вежливым, но без раболепства, и в то же время исполненным

неоспоримой важности.

— Староста Ду, — голос Фу Луня был негромким, ровным и четким. — То, что мой младший сын (он бросил взгляд на Эр Тайя) повел себя опрометчиво и потревожил ваш дом, действительно произошло из-за недостатка воспитания в семье. В знак извинения примите эти скромные дары — пусть послужат утешением для барышни. Очень просим Старосту Ду благосклонно принять их и не отказываться.

С этими словами он развязал шнурок парчового мешочка и достал оттуда два золотых слитка.

Веки Старосты Ду резко дернулись. Золото! Да еще и полноценные казенные золотые слитки!

Этот негромкий средних лет господин перед ним обладал солидными манерами, а расплатился вот такой тяжелой валютой — его происхождение и положение были очевидны без лишних слов. На этом инцидент можно считать исчерпанным: поместье Ду получило реальную выгоду и сохранило лицо, пора закругляться.

Толпа зевак тоже издала тихий возглас изумления, в упор уставившись на два ослепительных слитка.

Староста Ду стер с лица последние следы напускного недовольства и сомнений. Он быстро, почти инстинктивно прикинул вес этих слитков: управляя хозяйством столько лет, он прекрасно усвоил правила вовремя останавливаться и дорожить миром ради прибыли.

Недавние слова Цяньлуна уже дали ему повод достойно отступить; теперь же этот увесистый золотой слиток окончательно сгладил ту долю ущемленного самолюбия, что еще оставалась на душе.

Почти без колебаний лицо Старосты Ду озарилось куда более искренней улыбкой, в которой даже проскользнуло некое подобие польщенности. Он принялся складывать руки в приветствии перед Фу Лунем:

— Ох-ох-ох, раз это недоразумение, то хорошо, что во всем разобрались! Прекрасно, что во всем разобрались! Больше не упоминайте слово «извинения», вы же совсем вгоняете старика в краску!

Он повернулся и зчным, окрепшим и куда более решительным голосом отдал приказ управляющему:

— Быстро! То, что поймали мяч, было чистой случайностью и не считается! Живо всё подготовьте, пусть барышня бросит его еще раз! Сделайте всё как следует, чтобы шумно было, и пусть достойный человек обретет эту удачу!

Управляющий поспешно громко отозвался и вместе со слугами засуетился с удвоенным усердием: стал расчищать площадку, наводить порядок и подавать знаки музыкантам.

Смута, едва не переросшая в неразрешимый конфликт, окончательно улеглась благодаря авторитету Цяньлуна, его доводам и своевременному, весомому «материальному выражению» со стороны Фу Луня.

Сяо Яньцзы глубоко вздохнула, но почувствовала лишь вялость во всем теле и полное отсутствие сил.

Столько суеты, страху натерпелась, свахой побыть не вышло, Эр Тай чуть не угодил под «выкуп», да еще она сама наговорила таких глупостей... Что это за каша вообще заварилась?

Ей вдруг показалось, что все эти «изменения судьбы» и «попытки посватать» — такая бессмыслица.

Ей больше совсем не хотелось смотреть, кому достанется шелковый шар, хотелось только поскорее уйти отсюда.

Думая об этом, она уже машинально приблизилась к Цяньлуну и протянула руку. Но не для того, чтобы подергать за рукав, а с каким-то зависимым, слабым движением ухватившись за его локоть, и тихо забормотала, с капризной усталостью в голосе:

— Господин... Здесь больше неинтересно, от этого шума голова болит... Давайте уйдем, ладно?

Голос ее был тихим, но Юн Ци, Эр Тай, Эр Кан и остальные, стоявшие рядом, всё услышали.

Эр Тай смотрел, как она держит Цяньлуна за руку, на ее профиль, где не скрывались ни усталость, ни желание сбежать. Сложные чувства в его груди снова заволновались, взгляд упал на ее руку на руке Цяньлуна, и его тонкие губы сжались еще сильнее.

Цяньлун опустил голову, бросив взгляд на руку Сяо Яньцзы, державшую его за локоть. Лицо его оставалось бесстрастным, он лишь едва заметно кивнул.

— Угу, — отозвался он. Голос его звучал буднично, но он уже первым развернулся и зашагал прочь из толпы.

Сяо Яньцзы тут же семенила за ним маленьким хвостом, по-прежнему держась за краешек его рукава, словно это могло помочь ей быстрее покинуть гиблое место, где все ее планы провалились, а на нее саму пала тень.

Фу Лунь, Ци Сяолань и остальные, разумеется, последовали за ними. Юн Ци, Эр Тай и Эр Кан,

оберегая Цзы Вэй, тоже двинулись следом. Вся компания больше не обращала внимания на заново поднявшийся позади шум очередного «сватовства» и быстро растворилась в переплетении уездных переулков.

Солнце вытянуло их тени в длинные полосы. Сяо Яньцзы шла, уткнувшись носом в землю, и больше не оборачивалась.

Сегодняшнее представление оставило у нее на сердце...

Все вернулись на постоянный двор и устроились на ночлег. Вечером, после умывания, Цяньлун позвал Цзы Вэй сыграть в шахматы.

В комнате царила тишина, нарушаемая лишь четким звуком падающих на доску камней, который отдавался в сердце каждого.

Цяньлун сидел во главе стола, зажав между пальцами черный камень, и его спокойный взгляд был прикован к доске.

Сидевшая напротив него Цзы Вэй держала спину прямо. Ее изящные белые пальцы сжимали белый камень, и она сосредоточенно размышляла над ходом.

Цзи Сяолань стоял чуть позади Цяньлуна с левой стороны, заложив одну руку за спину, а другой неторопливо поглаживая несколько редких волосков под подбородком; его пронзительный взгляд сканировал шахматную позицию.

Время от времени он едва слышно произносил хм или, после хода Цяньлуна, едва заметно кивал.

Эминь и Фу Лунь стояли по бокам. Хотя они не были так искусны в этой игре, как Цзи Сяолань, они тоже сосредоточенно наблюдали.

Брови Эминя слегка сдвинулись, словно он изо всех сил старался уследить за логикой ходов; лицо Фу Луна оставалось спокойным, его взгляд больше привлекали манеры играющих, а время от времени он обменивался с Эр Каном понимающими взглядами.

Эр Кан стоял на полшага позади Фу Луна, его фигура напоминала сосну. Он следил за партией с крайним вниманием: то в его глазах мелькало одобрение из-за изящного хода Цзы Вэй, то они невольно сужались от внешне простого, но таящего смертельную угрозу хода Цяньлуна.

— Этот ход барышни Цзы Вэй поистине великолепен! Он не только снял напряжение белых камней в верхнем левом углу, но и скрытно угрожает потенциалу черных в центре — одним ударом двух зайцев, — внезапно заговорил Цзи Сяолань. Голос его был негромким, звучащим с рассудительной ученой взыскательностью. — Впрочем, тот ход, что Император сделал только

что, кажется обычным, но на самом деле уже объединил черные силы в центре в единое целое. Позиция невероятно прочна, а скрытый потенциал бесконечен.

Услышав это, уголки рта Цяньлуна едва заметно приподнялись, но он ничего не ответил, лишь легонько опустил на стол чашку с чаем, и его взгляд снова приковался к углу доски.

Фу Лунь слегка кивнул и тихо произнес:

— У барышни Цзы Вэй тонкий ум, в ее расстановке сил немало размаха. А Император и вовсе смотрит далеко вперед — внешне позволяет действовать свободно, но на самом деле исход игры давно у него в руках.

Эти слова были сказаны сдержанно, но они не только хвалили Цзы Вэй, а скорее подчеркивали, что бразды правления партией по-прежнему остаются в руках монарха.

Эр Кан подхватил разговор, его голос звучал мягко, но четко:

— Отец и наставник Цзи абсолютно правы. Цзы Вэй продвигается и отступает по правилам, в ее действиях чувствуется система.

Какое-то время в комнате раздавался лишь легкий перестук камней да витал аромат чая, изредка перемежаемый тонкими оценками или сдержанными похвалами — всё это складывалось в редкую по своей умиротворенности картину.

Однако все эти звуки для Сяо Яньцзы, свернувшейся калачиком в большом кресле из розового дерева у окна, казались доносящимися сквозь толстое матовое стекло.

В ее голове словно открылась бакалейная лавка: всё звенело, гремело, и было забито обрывками дневных воспоминаний, которые в конце концов упрямо сошлись на одной фразе: Детская шутка, не стоит принимать всерьез.

Детская шутка... Шутка... Шутка...

Ее брови резко сошлись на переносице, уголки рта опустились, выражая смесь упрямства и обиды. С какой стати это детская шутка? Чем это она похожа на ребенка?

То, что она любит ввязываться в неприятности — правда, но она ведь тоже верна слову, ценит чувства, готова пойти на всё ради друзей, сорваться с места ради тех, кто ей дорог... Как же в его устах это превратилось в легком весе «детскую» «шутку»? Неужели в его глазах все ее искренние старания, все порывы и даже сегодняшнее отчаянное желание помочь ему — всего лишь глупая бестолковая возня?

Но в прошлой жизни он вел себя совсем иначе, он ведь не должен был ее не любить, да и сейчас он делает для нее столько всего... Неужели все это просто потому, что он, как «телохранитель», несет ответственность за нее, фальшивую «принцессу»? Или он и правда сейчас к ней равнодушен и видит в ней лишь младшую сестру?

Капля досады закралась в ее душу. Зачем она тогда вообще выпалила эту «помолвку с пеленок»? Он... он так спешил откреститься от нее, может быть, ему просто претит связывать свое имя с такой «проказницей», как она? Даже если это фальшивая «помолвка», неужели для него это обуза и лишняя головная боль?

От этой мысли ее сердце заныло, словно его стянули тонкой нитью.

Она бессознательно прикусила нижнюю губу, оставив на мягкой плоти бледный след от зубов.

Она то хмурилась, то кривила губы, то устремляла взгляд в пустоту, то вновь демонстрировала упрямое недовольство, полностью погрузившись в бушующий водоворот собственных мыслей и совершенно не замечая ни внешней шахматной партии, решавшей чей-то исход, ни напряженной или восхищенной атмосферы в комнате.

Однако она не знала, что все эти малейшие изменения в ее мимике не укрылись от глаз двоих людей.

Юн Ци сидел в кресле чуть подальше от доски, держа в руке чашку с давно остывшим чаем. Его взгляд вроде бы был прикован к шахматам, но боковым зрением он намертво вцепился в ту фигуркой силуэта у окна. Он знал, что должен отпустить это, должен, как Эр Кан, воспринимать ее лишь как младшую сестру, о которой нужно заботиться и которую нужно наставлять.

Но разум — это одно, а сердце — совсем другое.

Днем, когда с ее губ сорвались слова о «помолвке с пеленок», даже понимая, что Сяо Яньцзы говорит это сгоряча, в ту самую секунду ему все равно казалось, будто кто-то полоснул его по сердцу тупым ножом — так больно, что он чуть не потерял лицо.

Сейчас же, глядя, как она из-за другого мужчины терзается и теряет покой, знакомая колющая боль вернулась с новой силой, став еще сильнее, чем днем. Ему оставалось лишь делать вид, что он пьет чай, чтобы скрыть глубокую мрачность на дне глаз и это не находящее выхода щемящее чувство.

С другой стороны, Эр Тай, хотя и стоял рядом с Фу Луном прямо, а его взгляд старательно следовал за изменениями на доске, внутри потерял всякое спокойствие.

То, как Сяо Яньцзы сидела молча, но каждая клеточка ее тела выражала досаду и обиду,

торчало занозой на краю его поля зрения и не позволяло отвлечься. Каждое едва заметное движение ее лица дергало за струны его чувствительных нервов.

Она злится из-за дневного происшествия? Или... ей тяжело? Из-за его собственных слов о «детской шутке», сказанных в спешке, чтобы во всем разобраться?

Тогда эти слова сорвались с языка сами собой — в голове билась лишь одна мысль: разрубить гордиев узел, не допустить появления слухов, способных запятнать ее репутацию. Он думал, что она такая беззаботная и простая, что забудет об этом в ту же минуту или в худшем случае побранит его с надутыми губами и успокоится. Но теперь казалось... всё было иначе.

Странное беспокойство, смешанное с чувством вины и необъяснимой паникой, зарождалось на самом дне его души. Неужели он... выразился слишком прямо, слишком обидно? Вдруг ей показалось, что он от нее отмахивается? Видит бог, как он мог от нее отмахиваться? Он просто... просто не мог вынести никаких дурных сплетен в ее адрес, особенно тех, что возникли по его вине.

Ему хотелось подойти к ней, как бывало раньше, взъерошить волосы или отпустить шутку, чтобы разогнать эту тучу мрачности вокруг нее.

Но ноги словно приросли к полу.

Он мог только стоять столбом, изо всех сил стараясь сохранять невозмутимое выражение лица, в то время как взгляд раз за разом устремлялся к окну, провожая ее хрупкий, растерянный силуэт в лучах света, и тоска в его груди становилась все тяжелее.

В этот момент Цзы Вэй, тщательно все обдумав, наконец сделала ход.

Этот камень вспыхнул словно внезапно появившиеся войска: хотя он не смог полностью переломить ход партии, но все же притормозил атаку черных, выкроив для себя передышку.

— Хорошо! — не удержался от тихого возгласа Цзи Сяолань. — Этот ход хоть и рискованный, но обладает прелестью обретения жизни в лоне смерти! Барышня Цзы Вэй, поистине невероятная смелость!

В глазах Цяньлуна тоже мелькнуло едва заметное одобрение, но тут же он занес руку над доской и запечатал пути возможной контратаки белых. Произнеся бесстрастно:

— Смелость похвальна, но фундамент непрочен. Если слепо лезть вглубь напролом, легко получить отпор. Нужно успокоить сердце.

Цзы Вэй легонько выдохнула, понимая, что сделала всё, что могла, и почтительно ответила:

— Наставления Императора верны.

Этот диалог немного оживил слегка застоявшуюся атмосферу в комнате.

Фу Лунь погладил бороду с улыбкой, а взгляд Эр Кана, устремленный на Цзы Вэй, светился гордостью.

Сяо Яньцзы видела лишь то, что Цзы Вэй, кажется, сделала неплохой ход, раз даже Отец-Император сказал пару лишних слов. Но какое отношение это имело к ней? Ей казалось лишь, что клубок в ее груди затягивается все туже.

Она бессознательно подняла руку и принялась накручивать на палец прядку волос, спускавшуюся на плечо, накручивая и натягивая так, что кожа на голове слегка заболела, но она этого даже не замечала.

Брови Эр Тайя едва заметно сошлись, а кончики пальцев опущенных вдоль тела рук чуть задрожали.

Цяньлун с улыбкой кивнул, жестом предлагая той сесть, но его взгляд, казалось, невзначай снова скользнул к окну: эта девчонка всё еще воевала там сама с собой.

Он убрал руку с доски и взял чачонку. Поднимающийся от нее пар размыл его глубокий взгляд и скрыл промелькнувшее на дне глаз сложное раздумье.

В комнате начал заполнять пространство расслабленный после окончания партии шепоток.

Цзи Сяолань разбирал партию, Фу Лунь и Эминь тихо о чем-то спорили, Эр Кан беседовал с Цзы Вэй. Все эти голоса слились в фоновый шум для безмолвных, запутанных мыслей Сяо Яньцзы...

<http://bllate.org/book/22027/2290111>